

Н О В О Л У Н И Е

максимантов кристина артюшкина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Антонов
Кристина Артюшкина
Новолуние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42544283

SelfPub; 2022

Аннотация

"Когда-то в юности я горел грандиозными планами. Казалось, я тот самый, кого в толпе поцеловала фортуна. Избранный. Человек, который среди своих друзей сможет выбиться намного дальше. Но со временем это как-то всё постепенно куда-то улетучилось. От той уверенности и тех амбиций осталось ни много ни мало – НИЧЕГО. Ничего не осталось..."Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть Первая. Арина	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Максим Антонов,
Кристина Артюшкина
Новолуние**

До того, как начало рассветать

Пролог

В последнее время чтобы я ни делал, о чем бы я ни думал, куда бы я ни пошёл, меня беспокоит одна и та же мысль. Эта мысль навязчиво засела в моей голове и, кажется мне, ещё не скоро оттуда выветрится. Но я не думаю, что подобная одержимость поглотила меня одного. А всё довольно просто. Я не знаю, кем я хочу быть и кем в итоге окажусь. Взросление – сложная штука. В детстве и в юности всё как-то проще в этом плане. Есть какие-то заготовки, какие-то грандиозные мечты, планы, которые, как кажется, обязательно осуществятся. Но проходят годы, и ты всё больше понимаешь, что жизнь устроена не так просто, как кажется на первый взгляд. Всё намного сложнее. Манна небесная всё ещё не сбрасывает кирпич на голову с моей судьбой и моим предназначением. На встречном билборде не приклеена афиша с моим именем, рядом с которым написано «у него получилось». Ничего подобного, ничего не получилось. И чем дальше, тем хуже. Рутинная и повседневность накладываются толстыми слоями, что я даже как-то привыкаю к этому. Волей-неволей рождаются мысли, что в принципе вроде и неплохо живу. Не то, что хотел, но не совсем плохо. Так тоже можно жить. Люди же как-то живут. Живут.

Грандиозные мечты пали под натиском повседневности. Вместо ожиданий какого-то часа «X» появились ожидания

аванса, зарплаты, выходного. Вроде думаешь, что что-то изменится. А что должно измениться? Да ничего. Премия придёт на пару тысяч больше, и я смогу позволить себе неожиданную покупку? Смогу выбраться с друзьями в бар, чтобы хоть как-то разукрасить свое существование? Что-то изменится? Ничего. Всё так же будут меняться дни календаря, а я застряну в этом мире, в этом водовороте, пока кто-то не окликнет меня сзади и не скажет «шуруй-ка ты на пенсию старик, ты своё отработал, поздравляю». Шикарно. Это ещё, если мне повезёт дожить до этой пенсии.

Уже сейчас я замечаю, что годы начали не то чтобы лететь незаметно, они нахрен мчатся неведомо куда, что ты даже боишься высунуть голову из этого сверхскоростного поезда, как бы её не оторвало от этой скорости. Сидишь себе и сиди дальше, когда-нибудь доедем.

Когда-нибудь. Девиз, мать его, взрослой жизни. Когда-нибудь я сделаю то-то. Когда-нибудь пойду туда-то, увижусь с теми-то, куплю то-то. Когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь. Осточертело уже это «когда-нибудь».

Признаюсь вам честно. На самом деле меня вполне устраивает эта жизнь... поправочка, существование. Не голоден, одет, не босой. Существовать вполне возможно. Все же так живут. Проживу и я.

Когда-то в юношестве я горел грандиозными планами. Казалось, я тот самый, кого в толпе поцеловала фортуна. Избранный. Человек, который среди своих друзей сможет вы-

биться намного дальше. Но со временем это как-то всё постепенно куда-то улетучилось. От той уверенности и тех амбиций осталось ни много ни мало – НИЧЕГО. Ничего не осталось.

Я преуспеваю в каких-то других сферах. Выстраиваю карьерную лестницу, где бы я ни работал. Но это совсем не то, о чем я мечтал, когда мне было шестнадцать. Совсем не то будущее, которое я представлял. Чтобы хоть как-то себя оправдать, я говорю себе, что, вероятнее всего, все люди такие же, как я. Я стал, как все. Я вошёл в эту серую массу, когда мне было лет двадцать, и выйду из неё только вперёд ногами, если повезёт хотя бы не в пиджаке, в котором женюсь.

М-да, приехали. Станция «Взрослая жизнь», приготовьте свои проездные билеты, на дороге работает контроль. А начиналось-то всё довольно радужно и светло.

Часть Первая. Арина

Глава 1

Мне никогда не было так страшно. Я никогда ещё не впадал в оцепенение перед опасностью, в страхе замирая и становясь каменным наблюдателем. Но то, что случилось буквально за несколько минут в моё отсутствие, чуть было не убило меня.

Я отошёл всего на пару минут, чтобы оставить её наедине с собой и поговорить по телефону. Я даже не подозревал, что где-то в зарослях камыша её поджидает опасность, что кто-то только и ждёт как бы наброситься на неё. Какая-то тварь в облике человека, с повадками хищника, наблюдает, как она погружается в свои мысли и теряет бдительность. А тот, кто, несмотря ни на что, хочет защитить её, уходит, давая возможность претворить в жизнь все грязные мысли твари.

Как я мог проворонить его? Как я, обладая нечеловеческим слухом и обонянием, мог просто-напросто подпустить к ней опасность? Я не должен был отходить от неё. Не должен был оставлять её одну.

Я услышал всплески воды, барахтанье, незнакомое возбуждённое дыхание и еле слышные смешки. Это не вписывалось в окружающие меня звуки леса. Уже тогда я заподо-

зрил, что-то неладное. Но моей лучшей подруге Свете нужен был совет, и я не придавал значения незнакомым звукам. Наверное, мне показалось, подумал я тогда. А время шло. Важна была каждая секунда, а я продолжал тратить целые минуты! Чёрт меня подери, она нуждалась в моей защите, в моей помощи. А меня не было рядом.

После случившегося несколько лет назад я стал относиться к своим близким иначе. Я пересмотрел многое в своей жизни, и больше всего я опасался, что какая-то из моих ошибок снова будет стоить кому-то жизни. Больше всего я опасался этого. И я снова наткнулся на те же грабли.

Я пришёл обратно, под тень огромной ивы, под которой она сидела с удочкой на мосту, но мост уже безвольно плавал в воде, а незнакомец сидел над ней, зажимая ей рот. Он уже расстёгивал ширинку брюк и возбуждённо дышал над её ухом, наклонившись над бесчувственной девочкой.

Никогда прежде я не видел этих диких глаз, этой звериной жадности. И никогда не думал, что окажусь наблюдателем такой картины.

Меня прошиб холодный пот, а дальше всё было как в тумане.

Я хватаю его за воротник, стаскиваю его с неё с такой силой, что ткань затрещала в моих пальцах. Адреналин разрывает мои жилы, а сердце колотится с такой силой, что кроме своего сердцебиения я вообще ничего не слышал. Ярость накрыла меня с головой. Никогда мне не доводилось испы-

тывать такую злость, как в тот момент. Никогда мне не доводилось испытывать такой страх, как в тот момент.

Мой кулак врежется в его скулы, сразу же оставляя лопнувшую кожу под моими костяшками. Ещё один удар. И ещё один. Я просто колочу это животное, желая, чтобы оно взорвалось и исчезло, как это происходит в компьютерных играх. Бью, бью, бью и захожусь от этого ещё сильнее. Приподнимаю его и отбрасываю дальше от неё. Хватаю за шкуру и снова бью. Бью руками, ногами, а сам весь дрожу от ярости. Его лицо постепенно превращается в изувеченное кровавое месиво, но мне этого мало. Мало. Ещё, ещё и еще. Исчезни же!

В какое-то мгновение меня отпускает, потому что того лица уже нет. Но когда эта мерзость пытается приподняться и что-то произнести вывихнутой челюстью, на меня снова накатывает ярость, и я что было сил ударяю ногой в его кадык, и как какой-то зверь, хрюкнув, эта мерзость, обмякнув, замирает.

Ещё несколько секунд я наблюдал за ним, а потом бросился спасать её. Я не должен терять ещё одного человека, ставшего для меня дороже моей мерзкой жизни.

– Очнись! Не уходи! Прошу, дыши! Дыши! – сквозь слёзы стону от боли я, моля судьбу не отнимать и её.

Не могу сказать, что за свои шестнадцать с хвостом я ни разу не влюблялся. Были случаи, я пытался завести отношения с какой-нибудь девушкой, ведь после четырнадцати стрелы амура попадают в цель всё чаще и чаще. Но ни с одной из тех девушек у меня так и не получилось провстретаться больше полугода. Не понимаю, то ли дело было в них, то ли в моих высоких требованиях. Но пару дней назад я познакомился с *ней*, и внутри меня снова что-то колыхнуло.

Пока мои друзья тщетно пытались настроить новый телевизор, чтобы в полночь встретить новый год поздравлением президента и загадать желание под бой курантов, а их девушки бегали из кухни с готовыми блюдами, я оглядывался по сторонам, пытаюсь найти её в шумной толпе.

Мы провожали старый 2010 год у нас в огромном загородном доме, который без проблем мог вместить в себя человек тридцать. Тридцать мы, конечно, не набрали, но двадцать человек сегодня точно собрались далеко от цивилизации в заброшенной, некогда процветавшей деревне Красная Звезда.

– Бесплезная трата денег! Мы могли за эти деньги купить ещё один поддержанный снегоход! – проворчал мой лучший друг Игорь, швырнув пульт кому-то другому.

– Давай сюда! – рассердился Вадим и сам попытался найти

первый канал.

– Может быть, дело не в телевизоре, а в антенне? – предположил Женя.

– Да чёрт его знает! – сердито наблюдал за попытками Вадима Игорь.

Оставив парней у огромного плазменного телевизора, я направился на кухню, чтобы поискать её там. Должно быть, она помогает накладывать салаты, поэтому не появляется в гостиной. Она была троюродной сестрой девушки моего лучшего друга Игоря Лены и, вероятнее всего, помогает ей на кухне, ведь она здесь впервые и ещё не до конца освоилась.

Я прошёл по длинной прихожей, отходя в сторону, когда какая-нибудь из девушек летела на всех парах в гостиную с тарелкой в руках. Правда, пару раз я чуть было не сбил кого-то, задумавшись над тем, что я должен ей сказать, когда встречу с ней.

Спросить, как у неё дела? Наверное, это глупо. Быть может, вспомнить какую-нибудь шутку? Ещё хуже. Учитывая, что я и двух слов при ней связать не могу, шутка не получится точно. Поговорить о погоде? Нет! Нет!

Раньше я не был таким застенчивым, я сразу же находил общий язык с девушками, сразу же втирался к ним в доверие, и не проходило и получаса, как они влюблёнными глазами смотрели на меня, ловя каждое моё слово. Но с ней всё иначе! Я будто снова четырнадцатилетний мальчик, пытающийся позвать девочку на каток!

Так, соберись, Елизар! Не будь тряпкой! Ты мужик! Мужик!

– Елизар, не ходи с пустыми руками, возьми апельсины! – появилась передо мной моя лучшая подруга Света.

Света была низкого роста, светловолосая, худенькая, но такой слабой она казалась лишь снаружи. Внутри же Светы скрывался настоящий ураган. Так сказать, огонь-баба. Она может перевернуть горы, переплыть океаны и надавать люлей любому, кто обидит её и её друзей.

– Я занят. Ты не видела Арину? – оглядываясь по сторонам, прошептал я.

– Чем же это ты занят? – усмехнулась она. – Арина? Кажется, на кухне её нет. Разве она не в гостиной? Признаться честно, в нашем доме столько людей, что я боюсь и себя тут потерять.

– Ладно, – ответил я и, толкнув Свету дальше, не обращая внимания на её ворчание, пошёл на поиски Арины.

Лена, скорее всего, знает, где она, ведь кому, как не ей, заботиться о своей сестре в этом доме.

Лена была полной противоположностью Светы. Пассия Игоря могла показаться стороннему наблюдателю идеалом девушки: её пышные формы приковывают к себе взгляды многих парней, рыжие вьющиеся волосы выделяются в толпе, делая при этом обладательницу шевелюры особенной, её бледная кожа никогда не видела прыщей, а зелёные глаза всегда казались такими магическими и притягательными. Лена

была со всеми приветлива, улыбочива, всегда встречала новых людей с открытой душой. Такая идеальная и привлекательная снаружи, Лена была гнилой и грязной внутри. Лена часто приставала ко мне, пока Игоря не было рядом, распускала обо всех сплетни, была страшной лицемеркой, каких ещё поискать, а о разговорах об утончённом и высоком в её обществе не могло быть и речи. Не знаю, что Игорь нашёл в ней. Быть может, я чего-то не понимаю и не знаю о Лене. Быть может, где-то внутри неё и прячется что-то доброе и ласковое.

– Лен, ты не знаешь, где Арина? – подошёл я к рыжеволосой бестии.

– Она на втором этаже с дедушкой и бабушкой болтает, – бросила она мне, не отвлекаясь от работы, будто зная, зачем я пришёл.

– Спасибо, – поблагодарил я её и помчался на второй этаж.

Взбираясь по лестнице, я снова замер. Ну вот я примчусь к ней, и что дальше? Встану, как вкопанный? Нужно что-то придумать. Не могу же я ввалиться к ней в комнату и, как сумасшедший, просто стоять и смотреть на неё. Я парень, я должен делать первые шаги навстречу ей. Может быть, сделать вид, что мне что-то нужно в комнате, в которой она гостит, и по ходу дела завести с ней разговор? Да, именно так и сделаю.

Осторожно, стараясь не шуметь, чтобы в случае чего сли-

нять обратно, я подошёл к закрытой деревянной двери и замер. За дверью был слышен её разговор. Она всё ещё разговаривает. Нужно подождать немного, чтобы она договорила по телефону и могла пообщаться со мной.

Разговаривала она целую вечность! Она интересовалась здоровьем своих бабушки и дедушки, интересовалась, как проходит их подготовка к новому году, рассказала немного о дороге сюда, о нашем шикарном доме, о людях здесь. Но был момент в её разговоре, который заставил меня напрячь свой слух, чтобы расслышать каждое её слово. Бабушка спросила её о чем-то, после чего девушка замолчала, а потом начала что-то нечленораздельно бубнить про «одного мальчика», который ей вроде понравился, и она ему, наверное. Я ей нравлюсь! Она говорила обо мне! Ведь обо мне же?

Но в то время пока я прыгал от радости в коридоре, дверь её комнаты неожиданно распахнулась, и она вышла из неё. Увидев меня, девушка от неожиданности отпрянула и попятилась обратно в комнату.

– Ох, п-прости. Я н-не хотел тебя нап-пугать, – пытался оправдаться я, но слова шли неуверенно и непонятно. – Я шёл в свою комнату за гитарой.

– Ничего страшного, – покраснела девушка. – Я разговаривала с бабушкой по телефону и немного задумалась. Так сказать, ушла из этого мира.

– И как у них дела? – будучи неуверенным в правильности вопроса, спросил я.

– Отлично. Пришла соседка по лестничной площадке. Бабушка накрывает на стол, дедушкин брат приехал. Бабушка хочет позвать всех одиноких стариков в их подъезде, пока те не легли спать. Они хотят оттянуться по полной, – улыбнулась она. – Спасибо, что спросил.

Она то и дело опускала глаза под моим пристальным взглядом, а ее тоненькие пальчики наматывали прядь ярко-рыжих волнистых волос. У неё были такие же зелёные глаза, как у Лены, но её взгляд был наивным и чистым. Она была чистой и светлой. Возможно, эта чистота и искренность в ней и задела меня. Смотря ей в глаза, невозможно было оторваться от них. Все скопившиеся проблемы и боль уходили прочь, когда она смотрела на меня. Больше всего сейчас мне захотелось её обнять и прижать к себе. Я хотел быть с ней. Уже сейчас мне хотелось, чтобы она была моей до конца наших дней.

– Знаешь, там внизу полно работы и мне не хотелось бы возвращаться так быстро, – улыбнулся я ей.

– Признаться честно, мне тоже, – закусил она нижнюю губу и хитро улыбнулась.

– Быть может, сходим на балкон, покурим? На улице неописуемо красиво, – предложил я, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, конечно, пошли, – кивнула она и уверенно пошла рядом со мной.

Около двери на балкон я накинул на неё свой тёплый пу-

ховик, а сам вышел в одной рубашке.

– Ты же простынешь! – возмутилась она. – Заболеешь и все каникулы проведёшь прикованным к постели!

Мне стало приятно от её заботы. Из-за её добрых слов и взволнованного взгляда я ещё больше захотел прижать её к себе, но остановил себя. Я не заболею. У меня есть один секрет, но она не должна знать о нём. Не сейчас. Это всё испортит.

– Не волнуйся, всё в порядке. На улице тепло. Я не успею простыть за пять минут, – успокоил я её.

– Если тебе станет холодно, то скажи сразу же, – сурово посмотрела на меня Арина, и на её лбу появилась небольшая морщинка.

– Хорошо. Немедленно оповещу тебя об этом.

Интересно, а что она собирается делать, когда я признаюсь, что мне стало холодно? Я понимаю, что она сказала это из вежливости, но мне захотелось её проверить. Хотя лучше не стоит. Я могу испортить наш завязавшийся разговор.

Осторожно, чтобы не набрать в тапочки снега, мы вышли на балкон. Я поделился с ней сигаретой, и мы закурили. Было видно, что она чувствует себя неловко из-за этого, но отказываться было поздно. Я знал, что она курит, – днём мы всей нашей огромной компанией уже выходили курить, когда парни чистили снег, а девушки разговаривали, стоя на крыльце.

Мы стояли молча пару минут. Я думал, о чём же с ней

заговорить. По правде говоря, я представлял, о чём могу с ней говорить, но мне не хотелось резко начинать разговор с личных тем или с чего-то неуклюжего. Пока я перебирал в голове темы наших разговоров, она заговорила первой.

– У вас здесь очень красиво.

Я посмотрел на неё, удивившись тому, что она заговорила первой. Отчасти мне даже стало приятно, что она первая сделала это.

– Да, очень, – посмотрел я вперёд.

Перед нами раскрывался красивейший пейзаж, захваченный лёгкой снежной пеленой. Сразу же после нашего участка за забором начинался большой лес, раскинувшийся в оврагах, на обрывах. Смесь из сосен, тополей, лип, дубов чернела в ночи, превращаясь во что-то магическое и таинственное. Казалось, что в этой черноте за стволами деревьев прячутся таинственные сказочные существа. А за лесом начинались холмы и поля, раскинувшиеся по обе стороны от большой расщелины. Покрытые снегом зимой эти холмы не представляют из себя ничего живописного, но с приходом весны всё меняется. Весной по холмам в расщелину помчатся ручьи, а в полях начнут расти чёрные дыры с тянущимся к небу паром. Когда весь снег растает, луга залиются зеленью, и жители соседней деревни Иоково выгонят на них свой скот, томившийся в хлевах всю холодную зиму. Пчёлы начнут собирать пыльцу с диких цветов, а птицы, прилетевшие с юга, начнут петь свои песни под облаками. У нас и вправду здесь

очень красиво вдалеке от городской суеты.

– Тебе нужно обязательно побывать здесь весной и летом. Весной, когда распустятся почки на деревьях, а с холмов в речку начнут стекать ручьи, здесь становится так легко, что вовсе не захочется уезжать отсюда. Летом здесь хоть и жарковато, но за лесом есть озеро, на которое мы ходим купаться каждый день.

– С большой радостью приму твоё приглашение, – улыбнулась Арина, сверля меня своими глазами. – Надеюсь, твоё приглашение не имеет срока годности.

Арина засмушалась, но по её лицу было видно, что это предложение ей пришлось по душе, и она очень сильно хочет оказаться здесь ещё. Она мечтательно смотрела на долину, скорее всего, представляя себе этот вид под весенним солнцем.

– Как хозяин этого дома, я лично приглашаю тебя сюда. Ты можешь приехать в любое время, когда мы будем здесь, – я подошёл ближе к ней и посмотрел ей в глаза.

Мне вновь хотелось посмотреть в эти зелёные глаза, в которых будто расцвели те самые холмы и леса.

– Спасибо, мне очень приятно, – улыбнулась Арина и посмотрела на меня. – Я постараюсь.

– А ещё мы частенько ходим в походы с ночёвкой, устраиваем пикники, готовим шашлыки во дворе, выезжаем на рыбалку...

– Хватит меня травить, – засмеялась она. – Я уже не хочу

уезжать.

У неё был детский залиvistый заразительный смех. Казалось, с каждым смешком она щекочет тебя, и ты поневоле начинаешь смеяться вместе с ней. Смеясь, я смотрел на неё. Смотрел, как она краснеет под моим взглядом, как становятся неуверенными её движения. Она была чем-то лёгким и чистым. Я просто не могу отпустить её. Я хочу быть с ней.

– Для тебя двери нашего дома всегда открыты, – сказал я низким нежным голосом и немного приобнял её.

Но я не стал торопить события и сразу же притягивать её, как это делают, будучи парочкой. Я просто приобнял её и отпустил, отойдя от неё на небольшой шаг, всё ещё чувствуя своими руками её хрупкую спину.

– Мне кажется, двери вашего дома в буквальном смысле всегда открыты, – усмехнулась Арина, скрывая от меня свои глаза.

– Это потому, что мы ничего не боимся, – гордо заявил я. – Да и чего нам бояться? В радиусе пяти километров нет ни одного населённого пункта. Ну и кто полезет в дом, кишаший сумасшедшими молодыми людьми!? Уж точно не какая-нибудь Маша из Трёх медведей.

– Да, – задумчиво поглядела она на двор, – Маша бы в дом с сумасшедшими молодыми людьми не сунулась.

Что-то подсказывает мне, что она неправильно истолковала мои слова. Или я неправильно выразился? Отчего она задумалась? Я сказал что-то не то? Вот чёрт! Гадай теперь!

– Знаешь, что мне пришло в голову? – загорелся я новой идеей.

– Что же? – поинтересовалась она.

Не говоря ни слова, я собрал немного снега и, сделав из него небольшой комок, запустил его в машину Сергея, стоявшую под балконом. Сработала сигнализация, и машина начала издавать громкие, противные, панические звуки. На улицу выбежал Сергей, самый старший в нашей компании, и начал оглядываться по сторонам. На его глупом лице было написано недоумение и удивление. Но спустя пару секунд он посмотрел на балкон.

Испуганная, задыхающаяся от смеха Арина пригнулась, увлекая меня за собой. Мы сидели на корточках, зажимая руками рты, чтобы Сергей не расслышал наши смешки.

– Очень смешно, Елизар. Обхохочешься, – обиженно бросил нам Сергей. – Кстати, мы настроили телик, поэтому, когда закончите сосаться, можете присоединяться к праздничному столу. Все уже собрались.

Парадная дверь хлопнула, и на улице стало тихо. Но как только мы поняли, что Сергей в доме, мы перестали сдерживаться и громко захохотали. Всё это время я не прекращал смотреть на Арину, которая, закрыв глаза, смеялась так, что хваталась за живот. Её заразительный смех, рыжие волосы, в которых плясал свет, отбрасываемый уличными фонарями, хрупкое тело, всё больше и больше притягивали меня к ней.

– Мне кажется, нам пора, – борясь со смехом, произнесла

Арина.

– Я тоже так думаю, тем более до полуночи осталось совсем немного, – согласился я с ней, хотя в глубине души мне хотелось побыть с ней наедине ещё немного.

Мне хотелось больше узнать о ней, хотелось заставить её снова засмеяться, хотелось поговорить с ней о чём-нибудь глупом. А больше всего мне хотелось понравиться ей. Да, я понимал, что она впустила меня в свою душу, но мне не хотелось входить в её френдзону. Мне не хотелось быть её другом – мне хотелось быть кем-то больше, чем просто друг.

Когда мы спускались по лестнице, всё ещё смеясь над глупым выражением лица Сергея, я спрыгнул с четвёртой ступеньки, оказавшись внизу раньше неё, протянул ей вежливо руку. Она вложила свою холодную ладонь в мою и спустилась вниз. И так, держась за руки, мы вошли в гостиную. Но наше появление не заметили. Окружив телевизор, наши друзья слушали торжественную речь президента.

Арина отпустила мою руку и подошла в гущу к Лене. Она что-то прошептала сестре о бабушке и дедушке и так осталась стоять там. Это немного обидело меня, но, быть может, она просто не хотела торопить события. Наверное, это даже правильнее. Это я готов бросить всё, забыть себя и быть лишь с ней, но эта девушка помимо меня также думает о многом другом. Это мне в ней и нравилось. Она не была глупа. В свои годы она уже заботилась о своих стариках, ведь, как я понял, у неё не было родителей. Ещё одна из причин, объ-

единяющих нас.

Я взял пластиковый стаканчик с шампанским со стола и неуверенно подошёл к Игорю, изредка поглядывая на неё. В её рыжих волнистых волосах плясали огоньки гирлянд, а на бледном веснушчатом лице розовели щеки. Она улыбалась доброй ослепительной улыбкой, которая никого не могла оставить равнодушным. Вроде бы по ней не скажешь, что ей уже шестнадцать, такая маленькая, хрупкая, наивная, лёгкая, но я знал, что за этой наивностью и лёгкостью скрывается взрослый человек. И по рассказам Лены, та ещё оторва.

Глава 2

– Три! Два! Один! Ноль! – кричали мы во всё горло, когда били куранты. – С новым 2011 годом!

Ко мне подбежал Игорь и поздравил меня с новым годом крепким дружеским объятием. После него посыпались остальные. Когда все перепоздравляли друг друга, парочки начали обниматься и целоваться, поздравляя друг друга с новым годом в их совместной жизни. Я был счастлив смотреть на всех своих друзей, радующихся обычной смене календарного года. Волшебство и счастье кружились в воздухе, смешанные с алкоголем. Этой атмосферы праздника нам не хватало долгое время. Ближе к новому году многие из нас впали в уныние, всем казалось, что прошлый год принёс только плохое и тёмное, но сейчас всё это стёрлось из наших душ, оставив место празднику и счастью.

Сейчас я не грустил из-за того, что всё ещё не нашел ту самую, единственную и неповторимую. Она стояла напротив меня на другой стороне гостиной. Она наспех набирала сообщения в телефоне, прерываясь, чтобы ответить на входящие звонки с поздравлениями друзей. Она светила. Светилась, как солнце над нашими окрестностями весенним днём. В глубине души я чувствовал, что она та самая. Я чувствовал, что больше мне никто не нужен, никто не сможет заменить её. Я хочу быть с этим слабым существом в своём

необычном мире. Возможно, кто-то счёл бы меня ещё юным и глупым юношей, но это не так. Я чётко понимаю, что впервые в своей жизни безоглядно влюблён в кого-то, впервые чувствую такие сильные эмоции, не похожие ни на одни из тех, что я чувствовал раньше.

Её глаза единственные, которые я хочу видеть на протяжении своей жизни, до самой старости, когда мы будем сидеть во дворе этого дома, в окружении своих внуков.

Моё сердце оглушительно бьётся в груди, давая понять, что вот она, та самая, которую ты ждал. Это не одна из тех глупых дур, которые меня окружали на протяжении этого времени, ловя каждое моё слово, соглашаясь со всем, что я говорил. Теперь не будет зеркальных диалогов. Она будет моей, чего бы мне этого ни стоило.

Взяв два пластиковых стаканчика шампанского, я уверенно направился к ней. Она увидела меня и улыбнулась всё той же светящейся наивной, доброй и чистой улыбкой, притягивая меня сильнее и сильнее.

– С новым годом! – протянул я ей стаканчик и нежно улыбнулся.

– С новым годом тебя, Елизар! – улыбнулась она мне, принимая бокал.

– Вижу, многие о тебе вспомнили? – кивнул я на её телефон, разрывающийся от входящих сообщений.

– Да, сама удивлена этому. Обычно они вспоминают обо мне, когда им что-то нужно, а сейчас вдруг все принялись

писать мне добрые слова пожеланий на новый год, – свети-
лась, словно солнце, Арина.

– А я выключил телефон. Все самые близкие люди в этом доме, – улыбнулся я, втайне жалея, что так же не могу, как она сейчас, отвечать всем тем, кто хочет меня поблагодарить и пожелать чего-то хорошего.

– Я завидую тебе. Я никогда бы не смогла собрать стольких своих друзей в одном доме. Те, кто сейчас пишут мне, даже не пригласили меня. Я бы отмечала новый год одна с бабушкой и дедушкой, если бы не вы. Спасибо тебе большое, – пыталась перекричать громкую музыку она.

– Пожалуйста. Я рад, что в нашей большой семье появил-
ся новый человек, – сказал я и крепко её обнял.

Я почувствовал её нежный запах роз, влившийся в меня. Нежный, мягкий, лёгкий, как она сама. Так бы и не отпускал её никогда. Она такая же хрупкая, как цветок. Интересно, есть ли у этого цветка шипы?

– А теперь все пускать салют! – закричал во всё горло кто-то, и гостиную наполнил одобрителный гул.

– Даже не знал, что они это задумали, – удивлённо по-
смотрел я на Арину.

– Так что же сюрпризу пропадать зря?! – усмехнулась она и потянула меня за руку в сторону прихожей.

От её резкого прикосновения меня пробрала приятная дрожь. Я нежно сжал её мягкую ладонь и пошёл за ней, не сдерживая счастливой улыбки. Надеюсь, загаданное мной

желание начало сбываться.

Мы накинули куртки, не имея возможности поговорить, потому что вокруг нас галдели другие, кому алкоголь в голову дал сильнее. Кто-то даже осмелился выйти на улицу в одной рубашке. Но я не стал рисковать здоровьем, хоть оно у меня и крепче, чем у многих здесь. Я держал за руку Арину, чтобы её потоком не вынесло на улицу без меня, пока она натягивала сапог. Она смеялась, глядя мне в глаза, когда кто-то неуклюже прошёл мимо всех, расталкивая толпу.

– Фуф, ну и давка! – первое, что сказала она, когда мы выбрались во двор.

Вдруг неожиданно для нас что-то светящееся, искрясь, с шипением вырвалось в небо. От испуга Арина отпрыгнула назад прямо на меня. Я успел поймать её и прижал к себе. Она, казалось, всё ещё не поняла этого или просто не была против этого. Её глаза были прикованы к огню, взметнувшемуся в небо. Раздался хлопок, и небо залили сотни разноцветных звёзд. Снова хлопок, и снова небо окрасилось в яркие цвета. Волшебство этого вечера продолжало набирать обороты. А я был всё ближе и ближе к ней, держа её нежно за талию. Я чувствовал, что между нами что-то есть. Казалось, будто мы оба были предначертаны друг другу.

Тут из окон, выходящих во двор, начала играть музыка – кто-то открыл окна и поставил на подоконник колонки музыкального центра. Это решение пришлось многим по вкусу.

– Завтра все они будут ныть под одеялом, – усмехнулась

Арина, – но жизнь слишком коротка, чтобы чего-то бояться.

Она взяла меня за руку и потянула к танцующим. Я отдался во власть музыки и просто радовался празднику. На удивление, Арина хоть и была хрупкой, но танцевала она отнюдь неплохо. Было в её движениях даже что-то возбуждающее, и, заметя мой взгляд, она принялась соблазнять меня ещё сильнее. Но это длилось недолго. Арина громко засмеялась своим распутным танцам и обняла меня. Я тоже смеялся с ней, прижимая её крепко-крепко к своей груди, вдыхая её запах и надеясь, что это никогда не закончится. Кто-то достал бенгальские огни, но мы не отвлеклись на них. Мы по-прежнему стояли, обнявшись, в шумной толпе прыгающих вокруг людей.

Вокруг нас крупными хлопьями опускался снег. Толпа прыгала и пела. Где-то рядом кто-то достал бенгальские огни, и искры фонтаном летели в стороны, размывая этот серый мир. В какой-то момент я набрался смелости, чтобы поцеловать её, не опасаясь испортить то, что зародилось между нами. Я был готов, и, честное слово, мне казалось, что она тоже готова. Но я не успел.

– О, Господи! Это же моя любимая песня! – закричала она, услышав новую песню, заигравшую из дома.

– Твоя любимая? – переспросил её, злясь на лирическую песню, помешавшую мне.

– Да, это Paramore – the Only Exception. «Единственное исключение», так переводится её название. Баллада о люб-

ви! – крикнула она от счастья, что неожиданно для неё заиграла её любимая песня.

Все вокруг нас рассыпались по парочкам, и мы не стали исключением. Я смотрел в глаза счастливой Арины, которая подпевала вокалистке. Кажется, она хорошо знает текст этой английской песни. Я чувствовал, как она дрожит от счастья.

– Хотелось бы мне знать перевод этой песни, – прервал её пение я.

– В ней поётся о том человеке, которого можно назвать единственным исключением. О том, кто может разбудить в сердце любовь, – произнесла она, пристально глядя мне в глаза.

Не знаю, что за чувство взяло надо мной вверх, но я резко опустил глаза после её слов. Такое ощущение, будто она сказала это, прочитав мои мысли. Эта песня была про меня. Арина и есть моё единственное исключение.

– Очень красивая песня, – улыбнулся я ей.

Внутри меня вдруг резко стало как-то грустно и печально. Не знаю, что это было. Краски всего мира будто померкли. Будто что-то пошло не так. Мне захотелось уйти отсюда и где-нибудь побыть наедине.

– Всё в порядке? – обеспокоенно посмотрела на меня Арина.

В её глазах было то беспокойство, которого мне не хватало. Мне не хватало этого искреннего беспокойства. Я давно хотел быть с кем-то, кто будет обо мне заботиться, а я о нём.

Надеюсь, таким человеком будет Арина. Я хочу, чтобы им была Арина.

– Прости, я просто задумался, – ответил ей я и фальшиво улыбнулся. – Всё в порядке.

– Ты меня напугал, – прижалась она к моей груди снова.

Я её напугал. Как же это приятно слышать. Никто раньше такого мне не говорил. Да и вряд ли кому-то это было интересно. Но что же это был за непонятный наплыв печальных чувств? Будто некий поцелуй дементора. Кажется, кто-то пересмотрел Гарри Поттера.

После танцев, когда алкоголь из крови выветрился, а температура на улице начала казаться невыносимо низкой, мы забежали домой. Огромная компания разбилась на группы по интересам: кто-то обсуждал учёбу, кто-то обсуждал новости, кто-то обсуждал музыку, кто-то играл в Твистер, кто-то пел песни под гитару, а были даже такие, которые закрылись в комнатах, чтобы поговорить на личные темы. Я был в той группе, что пела песни под гитару, потому что из всех жителей этого дома я единственный в совершенстве владел своей акустикой. Но, увы, при всём моём желании, Арина выбрала группу, разговаривающую на личные темы, с бокалом спиртного, в закрытой комнате. Поначалу я искал её взглядом в огромной гостиной, но когда услышал, что она, Света, Лена и Маша заперлись в комнате Маши, понял, что девочки обсуждают то, что парням слышать необязательно. Я знал, что уютная комната Маши всегда была центром слезливых

разговоров. Скорее всего, её выбирали именно из-за уюта и тепла, царившего в ней. Мне бы и самому хотелось излить свои переживания в этой комнате, но я парень, а в нашем доме редко кто-то из парней говорил о своих чувствах – все держали всё в себе. Правда, как-то раз Вадим напился до такой степени, что всё же снял завесу и рассказал мне о своих переживаниях и проблемах. Тогда я помог ему парочкой советов, после чего наши бывшие тёрки из-за всяких глупостей прекратились.

Невольно я посмотрел на своего друга, сидящего в обнимку со своей девушкой. Вадим был вроде нашего местного ловеласа, героя-любовника Казановы. Ему не составляло труда закадрить любую девушку, на которую мы могли показать пальцем, но связал он себя не с самой лучшей партией в нашей огромной компании. Вера – его девушка – была на редкость стержневой особой, которая только и делала, что искала в нашем доме конфликт, чтобы разжечь его ярче. И неважно было, на чьей она стороне. Она могла даже быть против своих подруг, только бы конфликт и ссора были эпичнее и горячее. Но как бы это странно ни было, ей это прощали. Все знали её характер и понимали, что она без этого не может жить. Даже сейчас её глаза по-лисы уставились вдаль, а хитрая улыбка не сползала с узких губ ни на минуту.

И вот что в ней нашел Вадим? Он мог закрутить роман с любой девушкой на этой планете, а выбрал её. Она и красотой особо не блистала. У Вадима пепельные густые кудри, а

у неё жидкие волосы серого цвета, как мышьяная шерсть. У Вадима были большие голубые глаза, а у Веры узкие ехидные щёлочки льдисто-серого цвета. Вроде бы с виду такие, как Вера, всегда остаются в тени, чтобы не привлекать к себе внимания, а эта только и делает, что ищет где бы с кем пособачиться. Странная особа. Наверное, именно её жесткий характер и привлѣк Вадима, ведь все мы хотим получить то, что получить тяжелее всего.

Недалеко от ёлки, на полу около камина, спал Женя – парень Светы. Женя тоже казался мне странной партией для моей Светы. В детстве нас со Светой сватали, но мы с ней остались только лучшими друзьями. Да я и благодарен этому, потому что Света – великий человек, способный понять тебя, помочь тебе и встать на твою сторону в любой стычке. Женя не нравился мне только тем, что он был полной противоположностью активной Светы. Если Света могла поднять восстание, то Женя был из числа тех людей, которые всегда стояли в стороне и со скукой в глазах наблюдали за такими, как моя лучшая подруга. Хотя мне кажется, что я снова пролетел со своим мнением. Женя – идеальная партия для Светы. Он тормозит её, когда это нужно, и всегда поддержит и выслушает вечно тараторящую девушку. Моя любимая хоббитиха и её возлюбленный гном.

Подходит ли мне так же Арина? Подходит ли Арина под стандарт моей идеальной девушки? Противоположны ли мы с ней? Или же не обязательно быть противоположными, ведь

у ребят всё-таки есть что-то общее. Кто-то из них смотрит одни и те же сериалы, кто-то читает одни и те же книги, кто-то из них слушает одну и ту же музыку.

А какую музыку слушает Арина? Я знаю, что она, так же как и я, слушает рок. Но я слушаю тяжёлый рок и не думаю, что девушка, олицетворяющая собой солнце, может слушать что-то тяжёлое. Тем более, сегодня я узнал, что её любимой песней была лирическая баллада о любви. Нужно будет лучше узнать её вкусы и предпочтения.

Хор вокруг меня постепенно угасал: кто-то из воющих засыпал, кто-то оторвался от нашей группы и пошёл разговаривать по душам, а некоторые парочки поняли, что пора запереться в свободных комнатах. Этой ночью не всем удастся уединиться и поспать на кроватях. В нашем доме не хватит спальных мест, чтобы вместить двадцать человек. Наверное, Женю даже будить не стоит, пускай себе похрапывает под ёлкой около камина. Разве это не идеальный новый год? Он проснётся утром под ёлкой в роли подарка для Светы.

Когда вокруг меня не осталось подпевающих мне людей, я поставил гитару в угол, где её никто не тронет и пошёл на кухню. Перекушу и отправлюсь искать Арину.

На кухне я обнаружил пьющего в полном одиночестве Игоря. С широко раскрытыми глазами он смотрел в одну точку и о чём-то думал. Его не отвлек даже мой приход, хотя учитывая наши способности, он давно должен был меня заметить.

– Ты что, в одно горло сидишь гонишь? – вопросительно усмехнулся я.

– Нет, – вздрогнул мой друг и посмотрел на меня, – вместе с Вискасом.

Вискасом звали нашего жирного и наглого кота, которого откормили до такой степени, что бедняга не мог спрыгнуть с дивана, не плюхнувшись на живот. Кто-то считал его милым, а мне он казался омерзительным.

Я посмотрел под стол и обнаружил рядом с ногами Игоря тарелку с колбасой, взятой со стола, и нашего жирного кота. Кот, казалось, даже не понимал, что ему достаточно. Он ел, ел и ел. Ужасное зрелище. Если этот мохнатый колобок лопнет, я не удивлюсь.

– О чём задумался? – сел напротив Игоря я.

– Неважно, – он всё ещё сверлил взглядом точку в стене.

– Сейчас многие разбились по компашкам, разговаривающим о чём-то личном, поэтому будет неплохо, если мы тоже поговорим по душам, – многозначительно покосился я на него.

Игорь немного сузил глаза и посмотрел на меня. В его взгляде я видел, что что-то внутри него так и просится быть высказанным, но алкоголя, видимо, в моём друге было недостаточно.

Не найдя чистой коньячницы или рюмки, я взял из шкафчика с посудой какие-то две кружки с сердечками и налил туда немного виски. Я знал, что Игорь так же, как и я, не

любит смешивать алкоголь с газировкой.

– Поговорим? – протянул я ему чашку.

Игорь немного подумал и принял чашку. Он вытянул руку вперёд, предлагая выпить за новый год, и, звякнув столовой керамикой, мы выпили её содержимое.

– Итак, что тебя гложет? – переспросил я у него.

Надеюсь, алкоголь развяжет язык Игорю.

– Это, наверное, покажется тебе немного глупым, но я не знаю, что делать дальше. Хотя мне всего шестнадцать лет, и у меня вся жизнь впереди, я начал волноваться об этом. А ещё и этот новый год? Когда нужно строить планы на год вперёд. Какие к чёрту планы!?! Вот ты у нас счастливчик. Твоя жизнь расписана по годам. Тебя уже ждёт место в строительном университете в Казани. У тебя будет своя квартира в любом городе России, где ты осядешь. Но у меня такого нет, брат. Не думай, что я завидую тебе или ещё что-то, просто мне тоже хотелось бы быть уверенным в будущем. Давай признаем честно, я – колхозник. Мой папа работает на тракторе, а мама на свиноферме. Что меня ожидает с моей успеваемостью в школе? То же самое. Родители будут огорчены во мне. Им повезло с Машей. Она поступила в медуниверситет. А кем буду я? Куда я смогу поступить через полтора года? Ничтожество я, Елизар. Вот кто я, – с этими словами он залпом выпил половину стакана виски и опустил голову.

Мне стало жаль Игоря, отчасти он был прав, но по большей степени в том, что его будущее ещё не решено, оно име-

ет и положительные стороны. Никто, кроме него, не сможет решить за него, как ему жить. И ставить на себе крест, даже не сделав и первого шага, рановато.

– Знаешь, я не думаю, что твоё будущее такое мрачное и тёмное. Игорь, твоё учеба и поступление в высшее учебное заведение зависят только от тебя. У тебя ещё целых полтора года, чтобы выбрать предметы для сдачи ЕГЭ и налечь на них, вместо того, чтобы целыми днями возиться с нашим стареньким «Минском». И никакой ты не колхозник, да и нет в этом слове ничего обидного и оскорбительного. Твои родители – замечательные люди. Крёстный всегда поддержит твой выбор, кем бы ты ни стал. А твоё мама – самая добрая женщина на этой планете. Они прекрасны! Они ценят каждый отведённый им день, по-настоящему понимают жизненные ценности. Ради них ты должен стать кем-то большим, чем просто «Игорем-колхозником», – сказал я и похлопал его по плечу.

– Не стоило мне распускать сопли при тебе, – усмехнулся он.

– Не носи чушь. Мы с тобой выросли вместе, и я надеюсь, состаримся, будучи лучшими друзьями. Не держи в себе то, что тебя съедает. Если хочешь выговориться, приходи ко мне с бутылкой спиртного, – усмехнулся я. – А про себя я могу сказать, что сам бы себе такой жизни не выбрал. Я наперёд знаю, что меня ждёт, а это не самое лучшее знание. Я бы не отказался оказаться просто одним из тех, что сейчас спят в

комнатах, не знающих о существовании таких, как мы.

– Таких, как мы, оборотней? – закончил за меня Игорь.

– Да, не хотел бы я быть оборотнем, и уж тем более сыном своего отца. Это трудно, когда от тебя ожидают чего-то большего, а ты даже не знаешь чего, – опустил я глаза.

– Не знаю. В этом я понять тебя не могу. Мне нравится, что мы не такие, как все. Мне нравится, что мы лучше них, – кивнул он в сторону гостиной.

– Да, мы лучше них, но не забывай о том, что мы не такие, как в фильмах. Мы не умеем превращаться в волков по своему желанию. И это не так уж и легко. Если бы мне дали выбрать жизнь другого человека, то я бы выбрал одного из тех, кто сопит в зале. Я бы не хотел быть сыном вожака стаи. Мне всегда хотелось такого папу, как у тебя, который может научить строить кораблики, бриться, разбираться в технике. Мне всегда хотелось иметь маму, которая просто любила бы меня, – мой голос дрогнул, и я замолчал.

Мне становилось ужасно больно, когда я вспоминал о том, что моему отцу не было до меня дела, а мама умерла при родах. Мне ужасно больно вспоминать, как в детстве я убежал из дома Игоря, где жил, чтобы найти маму. Я чувствовал, что моя мама где-то есть. Мне долго не говорили, что мама на самом деле не улетела спасать мир, а умерла. Я долго не знал, что, бродя по ночным заснеженным зимним улицам, я никогда её не найду. Имея одного родителя, я всё равно оставался сиротой. Мне всегда хотелось кому-нибудь выго-

вориться, выплакаться, но я всё ещё не нашёл такого человека. Не нашёл того, кто выслушал бы меня и погладил по голове. Да, я могу поделиться своими обидами на эту жизнь с кем-нибудь в этом доме, но я знаю, что это будет не то. Я не почувствую свободы и окрыления. Наверное, этим самым меня и привлекла Арина. У неё тоже нет родителей, и мне кажется, она поняла бы меня.

– Для моих родителей ты такой же сын, как я. Ты же знаешь, они тебя любят по-настоящему, – посмотрел на меня Игорь светящимися глазами. – Я никогда тебя не ревновал к ним.

– Спасибо за хорошие слова. Я знал это, – улыбнулся я ему.

– Вижу, не только девочкам развязало языки, – появилась на кухне Маша, старшая сестра Игоря.

Оба – и брат, и сестра – были смуглыми высокими брюнетами с карими глазами. Увидев их двоих, сразу же можно было понять, что они родные – они очень похожи на маму. Но характеры у них, как подобает всем родным братьям и сёстрам, абсолютно разные. Маша характером пошла в родителей, а вот Игорь в дедушку с маминой стороны. Дед Игоря в молодости был человеком с горячим сердцем, который мог вспылить из-за любого пустяка и решал все проблемы кулаками. Исключением не была даже его жена, бабушка Игоря. К счастью, маме Игоря, тёте Лиле, повезло с мужем, который оказался полной противоположностью её отца. Они родили

и воспитали детей в искренней любви. И даже сейчас можно заметить, что любовь не погасла с годами.

– Да нет. Ничего у нас не развязалось, – вспыхнул Игорь, который явно боялся показаться слабым.

Я не считаю слабостью высказываться в своих чувствах, в поисках поддержки, но названный брат думал иначе. Раньше я пытался его в этом разубедить, но у меня никак не получалось. Надеюсь, со временем Игорь всё-таки повзрослеет и научится думать своей головой, обретая мудрость.

– Ладно, оправдывайтесь, сделаю вид, что ничего не слышала, – усмехнулась Маша.

На самом деле Маша не была тем человеком, который высмеивал то, что Игорь считал слабостью, просто сестра часто подшучивала над братом. Наверное, во всех семьях дети подкалывают друг друга. Увы, мне этого так и не узнать, ведь те, кого я называю братом и сестрой, не родные мне, и между нами всегда будет пропасть.

– Елизар, пойдём покурим, – встал со стула Игорь и направился в прихожую.

– Пошли, – устало выдохнул я.

Выходя, я заметил вопросительный взгляд Маши. Глаза девушки так и кричали «что с ним?». Я не стал ничего ей отвечать потому, что Игорь в любом случае нас расслышал бы, даже не обладая сверхсильным слухом обратной стороной. Я просто покачал головой, устало закрыл глаза, тем самым отвечая на немой вопрос моей названной сестры.

«Он просто перепил».

Маша легонько улыбнулась и осталась на кухне. Спустя пару секунд она начала греметь посудой. Скорее всего, она решила немного прибраться, чтобы завтра днём работы было меньше. Маша не любила беспорядок и при малейшей возможности старалась привести дом в порядок, что было крайне сложно, учитывая, что её в этом деле поддерживала только Света.

На улице Игорь больше не поднимал той темы, что мы обсуждали на кухне. Он казался загруженным, о чём-то думал, устало выпускал табачный дым.

Одной сигаретой мы не накурились, поэтому принялись за вторую. В нашем доме это обозначало только две вещи: либо что-то тебя тревожит, и ты не хочешь возвращаться к этому вопросу, либо ты не можешь накуриться. Вторая причина сразу же отпадала, так как сигареты были крепкие.

За все десять минут, что мы провели на улице, Игорь так и не проронил ни слова. Он даже ничего не сказал, когда мы вошли в дом и разошлись по комнатам. Мой друг либо перепил, либо уже протрезвел. Второго я боялся больше, ведь если эти проблемы тревожат его по трезвости, то он не скоро от них избавится. Мой друг не на шутку задумался о своём будущем. Надеюсь, он справится с этим в одиночку, если сможет. А если у него не получится избавиться от этого тяжкого бремени, то я с радостью ему помогу.

Пока я был на кухне с Игорем, Света и Лена расселили

всех наших гостей по свободным комнатам, матрасам, диванам, то есть по любым свободным спальным местам. На моё удивление мест хватило всем. Правда, кому-то пришлось лечь на двуспальную кровать втроём, но всё же в тесноте, да не в обиде.

Слова Игоря долго не хотели уходить из моей головы. Но меня беспокоило не его будущее, а моё. Моё будущее, которое в принципе и не моё. За меня давно всё решили. Моё будущее расписали ещё до того, как я научился принимать свои собственные решения. В какой-то степени мне нравится это будущее, ведь мне не придётся ломать голову, не придётся ни в чём огорчаться, не придётся задумываться о том, как себя прокормить дальше. Всё готово. Мне осталось лишь дойти до очередного чекпойнта и продолжить свой путь.

Пока я раскидывал планы своего отца на моё будущее в своей голове, я дошёл до своей комнаты, где меня ждал мой любимый скрипучий кожаный диван. Ни на что не обращая внимания, я вошёл в комнату и обнаружил, что что-то в ней изменилось. Что-то не так было в воздухе. Я напряг обоняние и пошёл по следу запаха. Но как только я оказался около дивана, я сразу же понял в чем дело.

Свернувшись клубочком, под тёплым шерстяным одеялом спала Арина. Она была в какой-то футболке, скорее всего, одолженной Светой. Её волосы были собраны в пучок на затылке, а её тонюсенькие бледные ручки обнимали то самое одеяло, как маленькие дети обнимают свою любимую

игрушку во сне.

Спящей она казалась ещё привлекательнее, чище и наивнее. Она спала, как ангелок. Даже сейчас эта девчонка умудрялась делать всё так, как нравится мне.

Был как-то роман у меня с одной глупой девчонкой. Как-то раз мы с ней вместе тоже легли спать, так она была похожа во сне на сытого медведя в берлоге. Полная противоположность этому хрупкому ангелочку. Как можно быть такой идеальной?

Осторожно, чтобы не потревожить её сон, я прилёг на самый краешек дивана и принялся наблюдать за ней.

В этот раз я решил не медлить, не терять возможности, и подошел к ней ближе. Моя рука осторожно легла ей на талию. Первые пару секунд я почувствовал, как напряглось её тело, но потом она расслабилась, будто чувствуя себя со мной, как за каменной стеной.

Мои глаза недолго блуждали по открытой части её тела, когда я заметил, что под футболкой на ней ничего нет. Руки сами поднялись выше по талии к её животу. Она томно выдохнула. Мои пальцы чувствовали, как напрягаются её мышцы там, где проходит моя рука, как мои пальцы оставляют за собой волны мурашек.

Не встретив сопротивления, моя рука юркнула под её футболку. Что-то в ней так и манило меня. На каждые мои движения она будто отвечала положительно, хоть ничего и не делала. Это придало мне решительности.

Нежно повернул к себе её лицо, я коснулся губами мягких сладких губ, чувствуя, как учащается её сердцебиение. Мне ответили...

Этот год начинается нереально сказочно. Я даже поверить себе не могу, что всё так обернулось, всего лишь за несколько часов. Я благодарен тем силам, что сегодня свели меня с ней и дали мне возможность быть с ней рядом. Нас влекло друг к другу что-то недоступное и неподвластное объяснению. Всё вокруг складывалось так, чтобы оставить нас сначала наедине на балконе, а потом привести её в эту комнату. Теперь я даже представить не могу, кто может затмить собою Арину. Мне кажется, такой партии для меня не существует на свете. Такой девушки я больше никогда не встречу. Да и нужно ли её встречать, если у меня есть она.

Мне никто не нужен. Я хочу быть только с ней. Вечно.

Глава 3

С утра я проснулся раньше Арины. Моему счастью не было предела, когда я заметил, что вместо одеяла, она обнимает мою руку. Мне неудобно было лежать, но я всё же терпел, лишь бы она не отпускала меня.

Этот крохотный ангелок, сам того не зная, прижался ко мне, заставляя моё сердце неистово биться от радости. Мне вдруг захотелось её разбудить, чтобы посмотреть на её сонные глаза, которые не могут широко раскрыться, хотелось увидеть её выражение лица, когда она увидит меня рядом с собой.

Но что же она подумает, когда увидит меня так рядом? Не испугается ли она? Или же это смутит её? Об этом я не подумал. А вдруг то, что произошло между нами вчера было результатом выпитого алкоголя, а не её ответных чувств? Вдруг, проснувшись утром, она пожалеет о том, что ответила вчера мне взаимностью?

Осторожно вытянув руку из её объятий, я встал с дивана, стараясь не скрипеть, и лёг на пол. К счастью, на полу у меня был отличный ковер с длинными ворсинками, на котором можно было спать даже зимой.

Спустя десять минут ожидания, я был готов взвыть от скуки. Я уже не мог заснуть, а Арина всё ещё мирно сопела на диване. В моей голове уже начали зарождаться планы раз-

личных действий, чтобы прервать её сон. Но что бы я ни придумал, ничего не подходило. Первым делом я хотел запустить в неё моей маленькой подушкой, но это начало казаться мне грубым. Потом я подумал и решил, что могу подкрасться к ней и пощекотать её пятку, но в таком случае, я не смогу хладнокровными глазами смотреть на неё, удерживая смех.

Так ничего не решив, я лежал на полу и смотрел в потолок. Но тишину в моей комнате прервал звонок её телефона.

Немного повертевшись во сне, она открыла свои глаза и принялась искать свой телефон, который лежал на полу под диваном. Шаря своей рукой в поисках телефона, она даже не заметила меня. И лишь когда она всё-таки нашла свою старенькую плюшку и выключила будильник, она разглядела меня на полу.

На бледном веснушчатом лице тут же пробежали миллионы эмоций. Я смутил её. Но чтобы не тревожить девушку, я первый попытался объясниться.

– Прости, не хотел тебя напугать.

Она закусила нижнюю губу и встряхнула своими огненно-рыжими волнистыми волосами. Её глаза метались по комнате, а на лице разлился румянец. Я чувствовал через воздух её учащенное сердцебиение. Чувствовал, как каждая клеточка её тела вибрирует. От волнения её запах усилился. Но то был не запах кислого человеческого пота, а нежный, мягкий, чувственный аромат её тела, не сравнимый ни

с чьим другим. Её запах снова начал опьянять меня, как прошлой ночью.

– Ты можешь лечь на диван, – полушепотом, заливаясь ещё сильнее румянцем, пролепетала она. – Что-то подсказывает мне, что тебе нечего стыдиться, – намекнула Арина.

Я только этого и ждал. Я был рад снова вернуться к ней. Ей необязательно знать, что всю ночь она пролежала в моих объятиях, сжимая мою руку. Те картинки я долго не смогу выпустить из своей головы, чтобы отвлечься на что-то другое. Такой уж я неисправимый романтик, готовый писать стихи для любимой девушки.

– Вы долго ещё сидели после того, как мы ушли? – спросила она, расправляя одеяло.

– Где-то час. Может быть, полтора. Но точно не больше двух. Многих сморило после танцев. Парень Светы вообще заснул под ёлкой около камина, – громко засмеялся я, вспоминая тело Жени около ёлки.

– Правда? – переспросила Арина, но, так и не дождавшись ответа, присоединилась ко мне.

Её детский смех и лучезарная улыбка были неповторимы, как она сама. Девушка светила, как маленькие дети, которые заливаются смехом, когда их кто-нибудь рассмешит.

– Какие планы на сегодня? – спросил я у неё, когда она перестала смеяться.

– Эм, – протянула неуверенно она, – никаких. Есть предложения?

Вот так сразу? Её вопрос немного огорошил меня, и я запнулся, не зная, что сказать. Я, конечно, рассматривал некоторые идеи, но... Одним словом я на некоторое мгновение впал в ступор.

Она приподнялась на лотке и легонько поцеловала меня в губы. Я ответил ей тем же. Значит всё в порядке. Это же должно значить, что всё в порядке?

– Голодна? – спросил я её.

– Честно, не отказалась бы плотно поесть, – улыбнулась девушка.

– В таком случае поищем добычи на кухне.

– Определённо. Но мне нужна пара минут одиночества. Тебе не составит труда? – выгнула одну бровь Арина, натягивая под одеялом футболку.

– Конечно, – вскочил я с дивана, – как пожелаешь. Я буду ждать тебя за дверью.

– Спасибо.

Я стоял в коридоре один, перебираясь с ноги на ногу и не понимая, что мне нужно делать. Кажется, что-то не так. Явно ей что-то не понравилось. Я, конечно, не новичок в этом деле, но недостаточно опытен. Да и где мне этого опыта набраться? Все мои предыдущие пассии были такого же возраста, как я, и в сексе тоже новички. Чёрт, я точно где-то слажал. Но где? Наверное, зря я лёг на пол, нужно было остаться вместе с ней. Или, может быть, она ждала завтрака в постель, а я как бревно лежал на полу и пялился в потолок. Я

всё испортил. Не надо было начинать в пьяном виде. Нужно было отвести для первого раза особый случай. Но и она уже не была девочкой. Чёрт, девочки же, кажется, предпочитают обычно мальчиков постарше? Значит, у неё был кто-то опытнее меня, и она, наверное, сейчас смеётся в комнате над моей неопытностью.

Когда я чуть ли не бился головой о стену от безвыходности, она вышла из комнаты и с удивлением покосилась на меня.

– Всё в порядке? – взяв меня за руку, спросила Арина.

– Да, конечно, всё прекрасно, – засиял от этого жеста я.

Напрасно я переживал. Вроде, всё в порядке.

На кухне нас ждал сюрприз. Небольшая компашка наших ребят в полном зимнем обмундировании сидела за столом и потягивала чай. У всех, кроме Светы и Маши, лица были настолько унылыми, что даже свежее испечённый пирог сгнил бы рядом с ними.

– Мы в овраг, на санях кататься, – обернулась к нам Света. – Вы как, с нами?

– Я не против, – сказала Арина и посмотрела на меня, ожидая моей реакции на это предложение.

– Обеими руками «за», – попытался казаться воодушевлённым я.

– Вот и чудненько! – подпрыгнула Света. – Сейчас я тебе что-нибудь найду, Арина. По-моему, у нас с тобой один размер.

Улица встретила нас свежестью и мягкими снежинками, падающими на лицо. После дома, переполненного перегаром, уличная свежесть будто дала новых сил для поиска приключений. Вот только после сумеречного освещения резкий белый свет заставил глаза болеть. Но спустя пару минут мы привыкли к этому.

В гараже мне пришлось покопаться минут двадцать, чтобы найти сани. Арина всё это время была рядом со мной, расспрашивала меня про мой старенький мотоцикл, который мы с Игорем купили за небольшую сумму у одного мужичка в деревне. Мне приятно было рассказывать ей о том, как мы его чинили, о запчастях, что мы готовы были заказывать чуть ли не через интернет за кругленькую сумму. Мне приятно было её внимание.

После того как сани были найдены, огромной компанией мы прошли через задние ворота участка и направились в лес, чтобы отыскать приличную горку.

Зимний лес встретил нас нереальной тишиной. Город и трасса были далеко от Красной Звезды, поэтому никакие звуки не могли добраться в это прекрасное место. Звуки близлежащих деревень заглушали овраги и наш дремучий лес. Это место было идеальным для любителей тишины и уединения. Лишь изредка тишину прерывала неизвестная птица, молнией пролетающая между стволами деревьев. Первое время даже ребята не решались прервать тишину, разговаривая шепотом и восхищаясь красотой и спокойстви-

ем.

Высокие деревья протягивали нам свои корявые сучья, повисшие от тяжести снега, будто здороваясь с нами. Шершавые стволы были влажными. В глубоких оврагах снег скрыл под покрывалом тонкие ивовые прутья. Туда опасно забредать. Под толстым слоем снега прячется топь, которая затаит любого незнакомого с этим местом глупца. Старики рассказывали много легенд, связанных с этим местом, порой носящие в себе фантастический характер.

Я предостерег Арину, рассказав одну из баек стариков о злом духе, поселившемся в этом богом забытом месте. Сам я в эту байку не верил, но судя по испуганным глазам Арины, она начала свято верить в мистицизм этого места.

Не заходя в глубь леса, мы пытались найти приличное место на окраине. Мы испробовали много вариантов, но скатиться вниз у нас так и не получалось: то сани застревали в снегу, то горка была слишком низкой. Облазив все склоны и овраги в лесу, мы всё же решили вернуться на одну из предыдущих горок и раскатать её, не тратя время на поиски той самой идеальной.

Всё это время я интересовался: не холодно ли ей, не хочет ли она вернуться домой, не промокла ли её обувь. Но Арина наотрез отказалась возвращаться, потому что ей нравилось лесное уединение, свежий воздух и тишина. Я не чувствовал холода, но это могла быть одна из особенностей моей сущности. Такие, как я, реже мёрзнут. Мы не знаем, с чем это

связано, но это был факт.

Вообще, сущность оборотней нам до сих пор не ясна. В книжных магазинах нет пособия или энциклопедии по оборотничеству. Иногда мы даже сомневаемся в том, что мы оборотни. Мы не знаем, как нас назвать правильно. Кто-то из нас навсегда превращался в волка, когда выходил из себя или во время суперлуния. Только из-за этого мы причисляем себя к этому виду мифических существ. О нашем организме и возможностях мы узнали только методом проб и ошибок.

Иногда мне страшно, ведь я даже не знаю, где та черта, которая разделяет человека и волка. Я даже не знаю, где та критическая точка, достигнув которой, я больше никогда не смогу стать прежним.

Дело в том, что на самом деле мы не можем перевоплотиться из человека в волка, а из волка в человека по своему желанию. Мы можем превратиться только в волка и то навсегда. Обратной дороги нет. Происходит инсценировка пропажи человека, затем его безрезультатные поиски. Пропал без вести. Всё. Больше о тебе никто из твоих знакомых не вспомнит и не узнает. Твоя жизнь закончилась. Но закончилась только жизнь тебя, как человека.

Поодаль от леса, что за нашим домом, есть ещё один огромный лес. В нём живёт наша волчья стая. В том лесу живут те, кому дороги в человеческий мир нет. Изредка мы видимся с той волчьей стаей. Хоть они и становятся волками размером с телёнка, они всё же сохраняют в себе разум, про-

сто со временем они перестают воспринимать себя, как человека, становясь другими. Бывали такие случаи, когда кто-то терял свои воспоминания, своё прошлое и шёл по Дикой тропе, теряясь в инстинктах, в жажде крови и охоты. Для таких случаев мой отец ввёл правило: чтобы сохранить в тайне остатки нашей расы, чтобы не допустить человеческих жертв, диких сразу же казнили, как только в них начинало просыпаться чудовище.

– О чём ты задумался? – прервала мои размышления Арина.

– Ни о чём важном, – натянуто улыбнулся ей я.

Она ничего не ответила, лишь откинулась обратно на снег. Я почувствовал напряжение в ней. Её задел мой ответ? Возможно, она хотела узнать обо мне больше или разговорить меня, а я так холодно ей ответил.

– Я думал о том, что здесь очень хорошо, и мне совсем не хочется отсюда уходить, – солгал я.

– Я тоже об этом думаю, – полушепотом ответила она. – Мне хотелось бы вечно лежать вот так на снегу и смотреть на небо.

– Мне тоже, – улыбнувшись, ответил я.

Мы лежали на краю оврага в снегу. У нас закончились силы, когда мы пытались вскарабкаться по крутому склону, скатываясь обратно и утопая в снегу по колени. Скорее всего, она даже промокла, и нам нужно выдвигаться домой. Но тишина вокруг, сумерки, падающий на лицо снег и умиро-

творение не хотели нас отпускать. Ей тоже нравилось здесь.

Её щёчки порозовели, лицо было свежим и чистым. Арина лежала рядом со мной, стоило лишь протянуть руку, и можно было коснуться её. Никто из ребят нас не беспокоил. Каждый был занят своей второй половиной.

Я осторожно положил свою ладонь на её, и посмотрел ей в глаза. Она повернула голову в мою сторону и ничего не ответила. Её глаза светились, а на уставшем лице всплыла улыбка. Я всё сделал правильно. Она хотела, чтобы я сделал это. Она хотела, чтобы моя ладонь, пусть она в варежке, коснулась её. Она хочет быть моей.

Мягкие снежинки ложатся на её бледное лицо, а затем тают от её солнечного внутреннего тепла. В сумерках её розовые щёки кажутся тёмными пятнами, а большие зелёные глаза кажутся бесконечными. Я удивлён, что в таком маленьком человеке может скрываться бесконечность. Я удивлён, что такая с виду хрупкая девушка может быть умной и мудрой. Огненно-рыжими волнами её волосы раскиданы на снегу. Её маленький, слегка курносый носик спрятался в широкий шерстяной шарф, который я одолжил ей. Она еле дышит, сконцентрировавшись на падающих снежинках. С виду можно подумать, что она просто наблюдает за падающим снегом, но я уверен, она далеко отсюда. Она где-то там, где я ещё не был, где меня нет, но я надеюсь, что скоро там буду.

Когда мы возвращались домой, отделившись от нашей компашки, мы разговаривали на разные интересующие нас

темы: мы обсуждали музыку, которую слушаем. Оказывается, у нас схожие вкусы в музыке. Я всё больше и больше узнавал Арину. Она открывалась для меня. Мне это нравилось. Мне нравилось то, что я узнаю о ней, нравился тот человек, который был со мной рядом и душой, и телом.

Когда мы пришли домой, обнаружили, что дом во всю кишит людьми, снующими взад-вперёд, нося кружки с горячим чаем в гостиную, где около телевизора под одеялами прятались другие. Мало кто нарушал тишину. Большая шумная компания подростков превратилась в детей, смотрящих мультфильм по телевизору сквозь помехи. Нужно будет заняться этим телевизором.

В моей комнате Арина скинула все мокрые вещи. Она промокла насквозь, бедняжка. Я отчитал её за то, что она не сказала мне об этом, чтобы мы скорее возвращались домой, но девушка лишь улыбнулась мне и что-то пробубнила себе под нос. Я одолжил ей свой старенький, но любимый шерстяной свитер с ёлочками и оленями. Этот свитер связала тётя Лиля, мама Игоря и Маши, мне на новый год. С этой вещью у меня были самые тёплые воспоминания, свитер стал для меня чем-то родным, живым, дарящим иллюзию настоящей семьи, которой у меня не было... Арине я одолжил его без каких-либо размышлений. Мне вдруг захотелось, чтобы она была в нём. Мне вдруг захотелось, чтобы она почувствовала то же самое, что чувствовал в нём я. Арина становилась человеком, с которым мне хотелось разделить всё. Мне

захотелось, чтобы именно она была той, что хранит в себе часть меня. В свою же очередь я хотел хранить в себе часть неё. Поэтому, как только мы переоделись, мы растянулись на диване в моей комнате, укрылись одеялом и заговорили на личные темы.

– Прости, это, конечно, не моё дело, но Лена как-то обмолвилась, что ты живёшь с дедушкой и бабушкой... – первым заговорил я, но она меня перебила прежде, чем я смог перейти к сути вопроса.

– Да, я живу с бабушкой и дедушкой, потому что у меня нет родителей, – без какой-либо обиды или горечи произнесла она. – Они погибли в автокатастрофе, когда мне было три года. Я почти не помню их. Я помню их живыми только в вечер нового года, когда папа вёз меня на санках на городскую ёлку. Тогда я уже засыпала, но всё же отчётливо помню его профиль, светящиеся глаза, обращённые на маму. Помню звонкий смех мамы, её рыжие волнистые волосы, выбившиеся из-под меховой шапки. Помню, как они одновременно обернулись в мою сторону и нежно улыбнулись. Другие воспоминания, связанные с ними, стёрлись из моей памяти, остались только старые фотографии. Я знаю, что они любили меня, но, увы, я даже не помню их. В какой-то степени я даже не знаю их.

Скорее всего, ни я первый, ни я последний, кто задает ей подобный вопрос. Наверное, она уже осознала и приняла то, что у неё нет родителей. Она говорила о них с улыбкой и с

любовью.

– Соболезную, – сказал я, не найдя в своей пустой голове слов получше.

В подобных ситуациях мне всегда было сложно подобрать подходящие слова. Заезженные фразы, которые люди обычно говорили в подобной ситуации, казались мне фальшивыми, напыщенными, неискренними. И прежде, чем в моей голове всплывали подходящие фразы, необходимость в искренности и в моих словах иссякала.

– Не знаю почему, но эта трагедия не вызывает у меня горьких слёз или затянутых депрессий. Я почти их не знала. Да, они были моими родителями, но единственное моё воспоминание, связанное с ними, укладывается в пару минут. Быть может, если бы мы были знакомы ближе, то мне было бы больнее. Меня воспитали бабушка и дедушка. Их утрату я буду переживать намного больнее, – сказала она, разглядывая рисунок на моём свитере.

– У меня тоже нет одного родителя, – заглотивая ком в горле, произнёс я.

Она ничего не сказала, лишь подняла глаза и посмотрела на меня понимающим взглядом.

– Моя мама умерла при родах. Воспоминаний с ней у меня нет. От неё не осталось даже фотографии. Отец сказал, что они сгорели в нашем старом доме. Обидно. Я даже не знаю, как она выглядела. Папа говорит, что я похож на неё...

– Значит, она была красивой, – полушепотом перебила

меня Арина.

– Спасибо, – продолжил я, – и, имея живого отца, я всё равно рос с чужими людьми. Меня вырастили родители Игоря. Они заменили мне родных, и у них это получилось весьма неплохо. Они чудесные, но мне было обидно, что мой папа не занимается мной.

– А почему твой папа не воспитывал тебя? – осторожно спросила она.

– Он без конца занят своей работой. Бизнес. Ему было не до меня, – иронично улыбнулся я. – Мне рассказывали, что в детстве я сбегал из дома и ходил по ночным улицам, искал маму.

Арина, не говоря ни слова, прильнула к моей груди и крепко обняла меня. Её тонюсенькие ручки обвились вокруг моей спины. От неё приятно пахло уставшими после тяжелого дня розами, накинувшими на себя мужской шерстяной свитер.

Я тоже обнял её и притянул к себе, вдыхая глубже её запах. Я хотел запомнить её запах. Хотел сохранить в себе все нотки и тона. Мне захотелось, чтобы этот момент никогда не прекращался. Нежность и зимний уют в сумерках.

Глава 4

Проснувшись поздно ночью, я почувствовал что-то мягкое и тёплое под своей рукой. Арина. Она свернулась калачиком у моей груди, прижав к себе мою руку. Её волосы огненно-рыжими волнами раскиданы по подушке. А длинные пышные ресницы подрагивали во сне. Видимо, ей снится что-то страшное.

Я обхватил её обеими руками и притянул ближе к себе. В мои ноздри снова влился аромат нежных роз. Хотя в комнате и было жарко, она всё равно плотнее укуталась одеялом, пряча свой маленький носик. Она что-то пробубнила во сне, и на моём лице невольно всплыла улыбка.

Такая маленькая, беспомощная и хрупкая, будто только что срезанная роза. Надеюсь, она видит во мне не только друга и товарища. Я надеюсь на что-то большее, чем просто дружба. Надеюсь...

Вдруг откуда-то из глубины дома раздался дикий вой, заставляющий всё моё нутро сжиматься от страха. По неизвестной мне причине по спине градом прокатился холодный пот, а волосы на руках встали дыбом. То был не просто вой ветра, не вой одного из моих друзей, собравшегося над всеми подшутить. Это был волчий вой полный ужаса и ненависти. Вой одного из моих сородичей, призывающий проснуться некую силу, спящую внутри наших тел.

Казалось, каждая клетка моего организма завибрировала, слыша страшный воинственный клич, призывающий всю скрытую ненависть пробудиться. Волк внутри меня вскочил и приготовился броситься в атаку. Никогда прежде я не чувствовал в себе его присутствие настолько явственно, как сейчас. В ту минуту, когда дом завибрировал от низкого наполненного отчаянием воя, волк во мне стал настоящим, живым, таким же владельцем моего тела, как и я. Впервые мне стало страшно за свой разум, который, как оказалось, не один в этом теле.

– Что это? – вскочила на ноги Арина.

Её зеленые глаза спрятались за чёрными испуганными зрачками. Она оглядывалась по сторонам, но всё никак не могла понять происходящего.

– Я не знаю! – вскрикнул я от боли и скатился на пол.

Моё тело начала бить дрожь. Казалось, что вибрация этого воя дошла до самых костей. Мои кости тоже вибрировали. Челюсть свело от боли, как на сеансе у дантиста. Жар охватил меня целиком, и я начал проваливаться в темноту, извиваясь от фантомной боли, охватившей моё тело. Я старался не выпускать из виду её лицо, старался разглядеть Арину и сфокусироваться на её испуганных глазах, но что-то тащило меня во тьму, загораживая собой мой разум. Тщетно хватаясь за воздух руками, я пытался выкарабкаться, но то, что оттаскивало меня от неё, было внутри меня. Это существо было в моём сознании. Волк!

Каким-то образом вой пробудил во мне волка и призвал его выйти наружу, заняв моё место. Вой придал хищнику силу, дал ему волю, порвал цепи, сдерживающие его в клетке, материализовал его и распахнул перед ним двери. Волк хотел выбраться из клетки, хотел занять моё место, также по праву принадлежащее ему.

К дикому вою незнакомца присоединился чей-то наполненный болью визг. За ним ещё один. И ещё один! Непонятные мне звери кричали от боли где-то в доме. Что же это за напасть? Кто посмел вторгнуться к нам? Кто посмел? Что ему нужно?

– Елизар! – раздался знакомый голос.

На меня испуганно смотрела Арина. Её голос шёл словно из-под толщи воды: заглушенный, еле понятный, искаженный. Мне тяжело было понимать её слова, которые всё больше и больше казались мне всего лишь набором звуков.

– Ты слышишь меня? Елизар! – кричала она.

Но я уже не понимал её. Я уходил во тьму. Уходил в ту самую клетку, в которой сидел Хищник, ожидающий своего часа, когда откроется Дикая Тропа. Меня становилось всё меньше и меньше. Елизар таял, становился слабым и еле осязаемым, в то время как Хищник материализовался на моих глазах, принимая истинный облик и форму.

Огромная четырёхногая тень нависла надо мной, возбуждённо виляя хвостом, будто готовясь к атакующему прыжку. Я чувствовал, как становлюсь меньше, как сползаю по

стенке. Закрыв голову руками, я в страхе стал ожидать атаки Хищника, понимая, что он победил. Понимая, что мои дни в теле человека окончены, а будущего больше нет. Он победил, он стал сильнее. Хищник взял верх над нами. Его внутриутробное рычание становилось громче, когти царапали каменный пол, по которому он приближался ко мне. Мгновение и он бросился на меня, раскрывая свою огромную пасть с белоснежными клыками.

Я почувствовал что-то нежное на своей морде. Нет, пока ещё не морде! Я почувствовал её мягкие вспотевшие ладони на своём человеческом лице. Волк отпрянул, когда она коснулась меня, будто её касание было огнём для него. Дикая Тропа не терпела присутствия человека. Мои чувства, вспыхнувшие к ней, стали факелом в моих руках. Стали огнём во тьме, которого боялся зверь.

Её глаза...

Волк внутри меня ослаб, и я освободился от его хватки. Мой разум полностью растворился в её глазах, наполненных страхом и болью за меня. От волка не осталось и следа, лишь воспоминание о чём-то страшном, диком, пугающем.

– Всё в порядке, – встал на колени я. – Залезай за диван и не двигайся! – сдерживая боль в висках, приказал ей я.

– Куда ты собрался? Я не могу тебя отпустить! Это может быть опасно! – схватила она меня за руку.

– Не беспокойся за меня. Это мой дом, и я здесь хозяин! – я освободил свою руку из её мертвой хватки и достал из-под

дивана бейсбольную биту, припрятанную для таких чрезвычайных ситуаций.

Арина хотела что-то сказать, но никак не могла подобрать от страха слов.

– Я не хочу терять тебя! – вскрикнула она.

– Не волнуйся за меня. Я вернусь, – произнёс как можно убедительнее я и вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

Мои ноги подкашивало. Силы покидали меня, а волк снова становился сильнее, почуяв что-то в глубине дома.

Дом гудел от таинственного всепоглощающего воя. Стены дрожали, из каждой комнаты раздавался дикий человеческий вопль, треск дерева, а кто-то даже царапал стены ногтями, чтобы выбраться из плена. Я почувствовал себя в дурдоме, при всеобщем приступе паники и дикости. Надеюсь, ещё не поздно, и зверь не овладел моими друзьями.

Сдерживая внутри зверя воспоминаниями об Арине и стараясь не упасть, я оперся о биту и медленно направился к источнику воя.

Тьма вокруг меня казалось живой. Сам воздух вибрировал в прихожей. Стены дома двигались передо мной, накладываясь друг на друга. Прихожая преломлялась в калейдоскопе. Мне неистово хотелось встать на четвереньки, потому что голова кружилась, а ужин просился наружу. Но я знал, что изменение в доме, приступы тошноты вызваны метаморфозами в моём теле, вызваны желанием волка выйти из клетки.

Лишь бы с Ариной ничего не произошло. Почему вой не подействовал на неё? Она же сестра Лены, значит она тоже должна быть оборотнем. Или она одна из тех, в ком не осталось крови волка? Оно и к лучшему.

Стены передо мной ходили ходуном, стягивались в круговороте, а затем снова становились нормальными. Мои ноги вязли в полу, как в зыбучих песках, мне хотелось встать на четвереньки, будто лишь это могло мне помочь идти дальше. Но я чувствовал, что это не мои мысли. Я чувствовал, что кто-то в моей голове только и ждёт подобного случая, чтобы овладеть моей плотью.

Спустившись по лестнице, я почувствовал присутствие кого-то намного сильнее меня. Сама природа моего существования говорила, что я должен опустить голову при встрече с тем незнакомцем. Кровь в моих венах начала кипеть, мои кости стали хрустеть по мере моего приближения к источнику воя.

В ушах стали слышаться голоса из чужого прошлого: плачь, крики о помощи, стоны, наполненные болью. Перед глазами всплыли люди, охотящиеся за мной, огромные костры, факелы. Это не мои воспоминания – чужие. Мне стало сложно продвигаться вперёд. Я совсем не видел ничего вокруг. Картины перед глазами стали настоящими. Я будто провалился в прошлое. Ярость накрыла меня. Я бил кому-то в челюсть, я ударял лежачего ногой, перегрызал человеческие глотки. Я чувствовал, как моя нога ударяется о чью-то

мягкую плоть. Чувствовал, как на костяшках кулака скапливается кровь. Чувствовал, как мои зубы разрывают натянувшуюся плоть. Чувствовал тепло и запах крови своей жертвы, сменяемые наслаждением.

Моё тело снова начало вибрировать. Виски будто проткнули проводами и дали напряжение. Мой мозг кипел, угрожая стать кашей. Всё вокруг меня закружилось в хаотичном вихре. Моя память начала выбрасывать передо мной всё больше и больше картин жестокости, призывая мне отдалиться этому.

Вой становился громче и сильнее. Ненависть, жестокость, страх, злоба, реки крови звали меня. Мои ноги совсем не держали меня. Ещё один шаг, и я рухну. Я даже не знаю, лежит ли бита всё ещё в моей руке.

Шаг за шагом я приближался к источнику ненависти и дикой злобы. Шаг за шагом я чувствовал, что сил у меня совсем не осталось, и моё тело движется вперёд по чужой воле. Страх накатывал на меня волнами. Эпицентр отчаяния и ненависти был совсем близок. Чья-то чужая воля сжала мое горло.

Силы покинули меня, и я рухнул на пол, сильно ударившись головой о что-то твёрдое и тупое. Вой вокруг меня резко стих, и вокруг нависла тишина. Тьма обволакивала меня, не выпуская из своих стальных объятий. В ушах всё ещё стоял звон, я все ещё чувствовал метаморфозы в своём теле.

Что-то передо мной шевельнулось во тьме. Заскрипели

половицы.

Я не потерял сознание!

Приподняв голову, я прищурил глаза. В ночной темноте нашего дома, посреди гостиной, стояло что-то белоснежно-белое. Огромная фигура подалась вперёд, приближаясь ко мне. От белой поверхности отразились отблески слабого света.

Я чувствовал, как ко мне приближается страх. Я чувствовал, что с каждым шагом пепельно-белой фигуры моё тело сжимается, а голова беспомощно опускается. Больше всего мне захотелось сдаться. Но если я сдамся, то что же тогда будет с Ариной? Что сделает этот пришелец, когда узнает, что в моей комнате есть беспомощная девушка, на которую не подействовал его вой?

Набравшись сил, я приподнялся, и, вложив в кулак все остатки своей воли, ударил по переключателю. В глаза ударил яркий свет, ослепляя и вызывая разноцветные шары. Что-то рядом со мной отшатнулось. Ненависть и страх исчезли, потухли, растворились с приходом света. Видимо, существо потеряло контроль над нашим сознанием.

Подняв глаза, я увидел его.

Передо мною стоял огромный пепельно-белый волк. Его чёрные глаза – первозданный источник злобы, ненависти и силы – сверлили меня. Я физически чувствовал превосходство этого волка над собой. Чувствовал, как каждая клеточка моего организма в страхе пытается убежать от него. Вот он,

настоящий царь зверей. Вот он, настоящий повелитель мира и всех живых существ. Превосходный охотник. Безжалостный хищник. Источник злобы, ненависти, отчаяния, страха. Смерть во плоти. Жнец в образе волка. Огромный волк втянул воздух своими огромными ноздрями. По его телу пробежала волна, заставляя свет плясать в его белоснежной шерсти. В чёрных как безлунная ночь глазах появилось что-то вроде усмешки.

Если бы я встал во весь рост, то был бы наравне с этим волком. Никогда прежде мне не доводилось видеть таких исполинов. Как он мог сюда попасть?

Огромная лапа тяжело поднялась надо мной и резко ударила меня по лицу. Я отлетел в сторону, и тьма сожрала меня и всё, что было вокруг.

Глава 5

– Дочь моя, я заметил, что ты всё чаще и чаще пропадаешь с людьми. Ты вся пропахла этим мерзким запахом животного дерьма и пота – пропахла человеком, – смотрел я в серо-голубые глаза своей юной и наивной дочери.

Она опустила голову и её черные, как смоль, волнистые волосы спали с её хрупких плеч на грудь.

– Отец, я просто хочу лучше узнать людей с того человеческого селения, – оправдывающимся тоном произнесла она.

– Не стоит привязываться к ним. Люди коварны и опасны. Они боятся подобных нам. Они невежественны и глупы, – прорычал низко я. – Я не смогу справиться с ещё одной смертью моего ребёнка.

Хоть вокруг и стояла тёмная безлунная ночь, я всё же не рисковал выходить из сени деревьев на опушку, посреди которой стояла моя молодая дочь. За ней могли следить, нас могли застать вместе. Белую шерсть в темноте легко различить, тем более на теле такого великана, как я.

– Мне кажется они хорошие, не такие, как ты рассказывал, – эти слова сошли с её губ на полупшепоте. Страх передо мной чувствовался в её мелодичном голосе.

– Ты прожила невероятно мало на этом свете. Твои семнадцать лет – ничто перед моими сотнями. Я видел, как пали великие цивилизации этого мира. Видел, как строились но-

вые, но люди всегда были одинаковыми. Они коварны, эгоистичны и злы. Не пытайся находить в них то, чего нет на самом деле. Они не способны к пониманию и сочувствию. Как только они видят кого-то превосходящего их, в них просыпается злоба и зависть. Они не любят тех, кто не похож на них, – заботливым родительским тоном произнёс я.

Она молчала. Знала, что я прав. Знала, что моя мудрость и жизненный опыт давно перевалили за тысячелетие. Но всё же что-то в её голове пряталось. Что-то не хотело, чтобы его заметил я. Меня пугало это.

Моя дочь никогда не прятала от меня своих мыслей. Что-то в ней противилось природе её отца.

– Эти пахари и скотоводы недостойны такого общества, как ты. Спустя некоторое время они и их грязные мысли подохнут! А ты останешься жить с этими воспоминаниями, которые не покинут тебя до скончания времен, – вложил я в свой тон строгости и отвращения. – Я понимаю тебя, – сменил я свой тон на сопереживающий. – Я понимаю, насколько могут быть сильны чувства, насколько разум может отойти на задний план перед зовом сердца, но пойми же меня, это не первый человек, который за твою бесконечно долгую жизнь западёт тебе в сердце.

Она так наивна и хрупка. Зря я отпустил её одну. Зря я разрешил ей познакомиться с людьми. Не стоило мне свою глупую девочку отпускать к этим монстрам. Они могут причинить ей боль. Не ту боль, что оставляет раны на теле, а ту

боль, что никогда не затягивается в сердце.

Сейчас она стоит передо мной в этом жалком подобии одежды из грубой ткани, с опущенной головой, насквозь пропахшая этими человечешками. Её хрупкие плечи сжались внутрь, делая её маленькой и беспомощной. Одна рука опустилась на предплечье и, будто от холода, потёрла его. Моя хрупкая дочь.

– Есть в их селении подобные нам? – перешёл я к тому вопросу, ради которого вызвал её этой ночью в лес.

– Не... не знаю, отец. Я ещё не до конца уверена, – дрожащим голосом произнесла она.

Что-то в её голове натянулось. Что-то на секунду вышло в её разуме и моментально пропало, не оставив и следа. Но лёгкий осадок лжи всё ещё витал в наивной детской голове.

– Они хорошие, добрые, отец, – не поднимая на меня глаз, произнесла она.

– Добрые, пока не узнают, кто ты на самом деле, волчья дочь. А как только они узнают твою тайну, они убьют тебя, как твоих братьев и сестёр.

Услышав эти слова, она всхлипнула и ушла прочь, бесшумно растворяясь в стволах деревьев.

Что-то подсказывает мне, что моя дочь на распутье. Что-то внутри меня, что никогда не лгало, говорит, что я её тоже потеряю. Если подобное случится вновь, я перегрызу каждую глотку от мало до велика в этом селении. Никто не увидит следующего утра. Ни одна душа. Если умирают мои де-

ти, смерть их ублюдков – лишь малая расплата за содеянное.

Я отошёл глубже в лес и со всех ног бросился прочь. Мой зверь просит крови! Охота! Кровь! Дикая Тропа открылась, и я поддался инстинктам, глубоко спрятанным внутри этой волчьей плоти.

* * *

Вдруг всё перед глазами исчезло. Лес растворился в темноте, а мысли стали лишь вспышками чужих воспоминаний. Не моих воспоминаний.

Я оказался в темноте. Никого и ничего не было вокруг. Я обернулся – ничего. Лишь непроглядная тьма растекалась вокруг меня, не давая моим инстинктам глубоко вздохнуть.

Что-то грохнуло впереди, и я пошёл на шум, не понимая где это и что это. Где-то впереди что-то билось в панике. Кажалось, оно было заперто и не могло освободиться. Мои уши уловили жалкое скуление.

Я ускорил шаг, чтобы скорее добраться до беспомощного существа.

Из темноты стали проявляться очертания некоего большого ящика, накрытого чёрным полотном. Подбежав к ящику, я, не задумываясь, стянул ткань. Огромное чёрное полотно медленно сползло с толстых железных прутьев наземь. Внутри клетки что-то шевельнулось. Вспыхнули красным чьи-то глаза. Поднялось внутриутробное рычание, наполненное

злостью.

Ох, нет! Что я наделал!

Хищник вплотную подступил к решётке, разделяющей нас, и его красные глаза начали вспыхивать огнём, заполняя все вокруг, поглощая тьму и меня. Хищник становился всё больше и больше, а его красные глаза, наполненные жадой, сжирали окружающую нас тьму.

Паника овладела мной, и я рухнул на спину, закрываясь руками. Всё вокруг меня закружилось в хаотичном вихре, и только красные глаза, вспыхивающие вновь и вновь, двигались на меня.

– Елизар! – выкрикнул кто-то моё имя, и мой нос прожёл едкий знакомый запах. – Очнись! – снова раздался тот же голос.

Волк исчез. А вместе с ним и его глаза.

Надо мной сидела Арина. Её испуганные глаза, наполненные слезами, смотрели на меня. В руках у неё был пузырек с нашатырем и вата. Вот он тот самый знакомый едкий запах.

– С тобой все в порядке? – спросил я у неё.

– Да, я в порядке, но что произошло с тобой? Я так перепугалась. Я боялась, что с тобой может произойти что-то страшное, – кинулась она мне на шею.

Я почувствовал космическое тепло и нежность. Страх, ненависть, злоба совсем вылетели из моей головы, когда её тонюсенькие ручонки обхватили мою шею. Я почувствовал её запах, её волнение, её заботу обо мне. Это не может быть

просто дружеское беспокойство, она явно что-то испытывает ко мне. Я уверен в этом.

– Что бы это ни было, нужно с этим разобраться как можно скорее. Я долго был в отключке? – встал на ноги я.

В висках резко загудело, а уши заложило. Чёрт, надеюсь, таблетка обезболивающего поможет с этим справиться.

– Совсем недолго. Минут десять назад вой прекратился, и я сразу же бросилась вниз. Пару минут я искала аптечку в вашем доме, хорошо, что у вас она не пустая, – скороговоркой пролепетала Арина.

– Хорошо, значит ещё есть возможность отыскать следы этого великана. Учитывая его размеры, его следы не сразу заметёт, – обратился я сам к себе. – Ребята! С ними всё в порядке? – спросил я у неё.

– Не знаю. Я побоялась входить в чужие комнаты. Кто-то до сих пор слабо стонет, хоть остальные и затихли, – испуганно посмотрела наверх моя спасительница.

– Пойдём со мной, нужно проведать их и взять с собой на поиски кого-нибудь, кто достаточно силён.

Мы взбежали по ступенькам вверх и ворвались в первую же попавшуюся комнату. Это оказалась комната Маши и Сергея, некогда обитель уюта и домашнего тепла. Сейчас эта комната мало чем походила на домашний уют: все вещи были раскиданы, горшки с цветами разбиты, по полу размазана сырая земля, зеркало разбито на десятки маленьких осколков. В груди вещей, прижав к голове подушку, лежал Сергей,

сжимая другой рукой тело Маши. Маша была без сознания, её руки были изрезаны, а под некогда ухоженными ногтями – земля и штукатурка со стены.

– Сергей, – крикнул, как можно громче я. – Сергей!

Я подбежал к нему и осторожно положил руку ему на плечо. Он дрожал всем телом, а когда почувствовал моё прикосновение, в страхе отпрянул от меня.

– Сергей, это я, Елизар. Ты помнишь меня? – посмотрел я ему в глаза.

Его испуганные глаза смотрели сквозь меня, будто что-то искали, но никак не могли найти. Какая-то часть его явно понимала, что опасность ушла, но что-то в нём всё ещё сохраняло страх перед незнакомым белым волком.

Я взял у Арины, стоявшей у порога и в страхе наблюдавшей за нами, пузырьрёк с нашатырем и приблизил его к носу Сергея. Расширившиеся зрачки парня мгновенно пришли в норму, что-то животное в нём исчезло без следа, и он сразу же притянул к себе Машу. По его щекам покатались слезы.

– Она в порядке, она дышит, – как можно спокойнее говорил я.

Я проделал с Машей то же самое, что и с Сергеем и, чуть погодя, девушка подала признаки жизни. Но то, что она очнулась, оказалось недостаточным. Увидев свои истерзанные руки и пальцы, девушка громко застонала от боли. Я не стал останавливаться на них, лишь скомандовал Сергею быть готовым выходить через десять минут. Арину я попросил по-

мочь Маше. Моя любимая не медлила ни секунды, она быстро сбежала вниз по лестнице за аптечкой и, спустя несколько секунд, уже влетела в комнату сестры Игоря.

В каждой комнате меня ожидала одна и та же картина: разорваны вещи, ободраны стены, в некоторых комнатах были выбиты окна, а хозяева комнат лежали без сознания на полу. Как тот волк смог на нас так подействовать? Я даже в фильмах не видел такого, что уж говорить о реальности. Насколько, оказывается, наша сущность нам неведома. Это не есть хорошо. Мы не знаем всех наших возможностей и всех наших тайн: этим легко могут воспользоваться наши враги.

Больше всего меня напугала картина в комнате Светы. Моя подруга детства без сознания лежала на полу, замотанная в одеяло, а её парень Женя в слезах сидел в углу комнаты с расцарапанным лицом. Женя изредка посматривал на Свету с жалостью незнакомой мне. Он напуган состоянием девушки. Наверное, он даже хотел бы взять всё то, что испытала Света, на себя. Комната была усеяна осколками, рваными книгами, битыми стеклянными безделушками, через выбитое окно в комнату задувало снег. Видимо, в приступе гнева зверь в Свете набросился на её парня. Бедный Женя. Он тоже, как Арина, потерял в себе кровь оборотня и не стал жертвой массового приступа сумасшествия – он видел всё, что происходило с его девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.